

„ЭТИМ Я СЧАСТЛИВ...“

Дружба Сергея Николаевича Сергеева-Ценского и Алексея Максимовича Горького — одна из ярких страниц русской литературы.

Из писателей старшего поколения, закладывавших основы советской литературы, А. М. Горький особенно высоко ставил С. Н. Ценского, видел в нем «властелина словесных тайн», «блестящего продолжателя колоссальной работы... классиков — Толстого, Гоголя, Достоевского, Лескова».

Когда Алексей Максимович послал в дар Сергееву-Ценскому экземпляр книги «Жизнь Клима Самгина», то сделал на ней такую надпись: «Любимому художнику С. Н. Сергееву-Ценскому. М. Горький. 15. VIII. 27 г. Сорренто». В этой лаконичной надписи — признание высокого мастерства Сергеева-Ценского.

Большие художники не могут быть равнодушными к появлению яркого таланта: они тянутся друг к другу. С. Н. Сергеев-Ценский почувствовал силу горьковского таланта еще студентом Глуховского учительского института, когда впервые прочитал в журнале «Русское богатство» рассказ «Челкаш». Впоследствии Сергей Николаевич вспоминал, что был изумлен как языком рассказа, так и его темой. Новизна того и другого показала ему, что в литературу пришел смелый и сильный художник.

А. М. Горький первым обратил внимание на самобытный талант С. Н. Сергеева-Ценского. Вначале его «кос-что сердило, казалось нарочитым эпатажем», однако последующие произведения Сергеева-Ценского развеяли первое впечатление, и Алексей Макси-

мович назвал его «самым крупным и надежным лицом во всей современной литературе».

В 1916 году Горький первым обратился к Сергееву-Ценскому с письмом, с которого и началась между ними оживленная переписка. Она сблизила писателей, показала общность их взглядов на литературу, писательский труд, на жизнь.

В 1928 году Алексей Максимович писал из Германии: «Очень хочется увидеть Вас». В другом письме: «Страшно буду рад увидеть Вас». В третьем: «Дорогой Сергей Николаевич, — а Вы, чувствуется, редко хороший, очень настоящий человек! Это я — по поводу Вашего... письма, так человечески прекрасно обласкали меня... Спасибо Вам!» И вновь слова о встрече.

16 августа 1928 года в ялтинской гостинице «Марино» (ныне корпус санатория «Киев») впервые встретились С. Н. Сергеев-Ценский и А. М. Горький. Двое суток писатели провели в беседах. За многие годы заочного знакомства накопилось много вопросов, которые интересовали их обоих. «О чем мы говорили? — вспоминал Сергей Николаевич. — О Тургеневе, о Лескове, о романах Достоевского, о Рабиндранате, о Прусте...» В неопубликованной статье «Горький — художник (из воспоминаний)» Сергей Николаевич писал: «Лето 1928 года, «Поплавок» в Ялте как раз против гостиницы «Марино», где остановился Алексей Максимович, не найди меня в Алуште. Мы сидим за утренним кофе. Час ранний, и никто не мешает нам говорить, говорим мы о том, что для нас обоняется важным, — об эпопее. Эпопея ищем мы оба:

он — «Жизнь Клима Самгина», я — «Преображение России». Из «Клима Самгина» мне известен первый и второй тома; из «Преображения» ему известны 1-я и 2-я книги («Валля» и «Обреченные на гибель»). И для него, и для меня эпопея — дело новое: они очень трудоемкие, в них масса действующих лиц, их задачи огромны...»

О своих впечатлениях о первой встрече и беседах с Горьким Сергей Николаевич сообщал редактору журнала «Новый мир» Вячеславу Полонскому: «С Горьким я провел в Ялте два дня. Он очень бодр и радужно настроен. Более четкого классового взгляда на лица, вещи и события, чем у него, я никогда ни у кого не находил».

Через несколько дней Сергей Николаевич направился в поездку по Кавказу для сбора материалов о Лермонтове. В пути произошла вторая встреча, после которой они встречались в Москве, в Подмосковье.

1936 год. Смерть А. М. Горького потрясла С. Н. Сергеева-Ценского. Вскоре он написал воспоминания о своей переписке и встречах с Алексеем Максимовичем, которые по разным причинам в полном объеме не были напечатаны. Вот некоторые из отрывков, не вошедших в печатный текст.

В первом письме из Германии (Фрейбурга) опущена концовка письма Горького к Сергееву-Ценскому. Приведем ее:

«Проживу здесь месяца полтора, потом снова в Берлин. Очень хочется увидеть Вас. Кстати, Вы бы прислали рассказ листа в два-три для «Беседы»? Вышел 1-й номер этого журнала, хвалят. Пришлите его по адресу: «Берлин,

Курфюрстенштрассе, 79, «Книга», для меня».

В следующем письме из Германии опущен такой абзац:

«Все, что до него для писателя о Толстом, писалось глупо и неверно, потому что писалось слишком вблизи, а ведь огромное здание вблизи не видно целиком, детали видны только. Пушкина начали видеть спустя 70 лет после его смерти. 20 лет изумленно рассматривают, а он все еще не весь».

Не вошел в печатный текст воспоминаний и такой эпизод, приведенный в рукописи Сергеева Николаевичем:

«Я уже сказал, что когда-то в молодости несколько лет служил учителем, и вот мне вспоминается такой случай. Мой коллега, преподаватель словесности, задает мне вдруг невинный вопрос:

— Почему Тургенев закончил свой рассказ «Певцы» известной вам, конечно, картиной: — «Антропка-а-а! Иди, тебя тятка высечет хочи-и-ить»? — Прекрасная концовка рассказа, — отвечаю я.

— А как же объяснить ученикам, зачем автор так именно, а не иначе, закончил свой рассказ?.. Нет-с, это не как-то там «прекраснейшая» концовка», а протест против крепостного права.

— Причем же тут протест против крепостного права, если не помещик ведь, а тятка высечет хочет своего Антропку?..

Кажется, я вправе был недоумевать по этому поводу, но преподаватель словесности победоносно вытащил из кучки книг, лежавших на столе, сборник тем для классных работ, принятый тогда в гимназиях и составленный неким Баллоном, и в этом сборнике там

я вычитал как раз то самое, что говорил мне мой коллега.

Фатально это противоречие между художником и старого времени бездарным педагогом. Один любовно и заботливо выписывает, вырисовывает красочные детали, вроде пальбы из пушек в Москве в пасхальную ночь или «Антропка, иди, тебя тятка высечет хочет!» — другой же «пользы в сем не зрит» и от себя готов придумывать за художника непременно «полезные» мотивы его действий».

А вот еще интересная деталь, не вошедшая в печатный текст воспоминаний:

«Тут вспомнился мне писатель Чириков, который отсюда, из Ялты, в 18-м году уехал за границу, и я спросил, что с ним и где он.

— Чириков в Праге — стал совсем чешским писателем, — ответил Алексей Максимович. — Но по России тоскует страшно... У него есть шкаф, а в шкафу за стеклом модели волжских пароходов известных вам, конечно, обществ «Самолет», «Кавказ» и «Меркурий». Часами он сидит перед этим шкафом, смотрит на модели волжских пароходов и плачет».

Помимо воспоминаний, С. Н. Сергеевым-Ценским написано несколько статей о Горьком. Еще при жизни Алексея Максимовича написана статья «Жизнелюбца», которая вошла в сборник «Горький. Статьи и воспоминания о Горьком» (1928 год), «Тяжелая весть» («Известия», 1936), «Горький о писателях и себе» («Красный Крым», 1941), «О Горьком» («Красный Крым», 1946), «Лучший памятник» («Литературная газета», 1955 год).

Кроме того, в архиве С. Н. Сергеева-Ценского сохранились неизвестные материалы о Горь-

ком. Среди них вариант статьи «О Горьком» и «Горький-художник (из воспоминаний)», которые представляют большой интерес.

Отмечая необычное дарование Горького, автор говорит в статье «О Горьком»:

«Одного желания стать писателем недостаточно, нужно иметь природный талант писателя, то есть огромную впечатлительность, но менее огромную память (чтобы не повторять писателей прежних), исключительную способность переплодяться в своих действующих лиц. Вдобавок к этому надо приобрести энциклопедическое образование, дающее возможность «в просвещении стать с веком наравне», чтобы не изобретать интегрального исчисления, давно уже изобретенного, и получать источник для большого количества новых мыслей, без которых нет и не может быть порядочного писателя.

У Горького, благодаря его гениальности, все это было...»

Приведем концовку статьи:

«Еще до личного знакомства с Алексеем Максимовичем, по одним только его письмам ко мне, вырисовывался для меня человек совершенно исключительный. Природа оказалась слишком щедрой, наделяя его способностями, столь редкими в своей совокупности, что и теперь, спустя десять лет после его смерти, он представляется мне не только абстрактно неповторимым, единственным, но и конкретно не умершим, а живым. И, чувствуя его постоянно рядом с собой, я мысленно с ним, и не кого-либо другого представляю как своего читателя. И так, по видимому, будет со мною до самой смерти, и этим я счастлива».

И так в действительности и было. **В. КОЗЛОВ,** член комиссии по литературному наследию С. Н. Сергеева-Ценского, бывший личный секретарь писателя.

12 ИЮНЬ 1981

Архивная Прага - Симферополь